ЧЕХОВ И БУНИН

Статья А. К. Бабореко
Публикация Н. И. Гитович

Бунин познакомился с Чеховым 12 декабря 1895 г. в Москве. До этого, с 1891 г. они переписывались. После первого знакомства, несколько случайного и мимолетного, новая встреча состоялась весной 1899 г. в Ялте. Между ними установились близкие дружественные отношения, продолжавшиеся в течение четырех лет.

Время этой поездки Бунина к Чехову точно определяется по его письмам *. 6 апреля 1899 г. он сообщал брату Юлию Алексеевичу с парохода в Черном море, что едет в Ялту «увидаться с Миролюбовым, Чеховым и Горьким». А 14 апреля, «только что» вернувшись в Одессу, где он жил в то время, писал: «В Крыму видел Чехова». Были там в то время М. Горький, В. С. Миролюбов, М. Н. Ермолова, издательница журнала «Мир божий» А. А. Давыдова с дочерью Марией Карловной, С. Я. Елпатьевский, художник Г. Ф. Ярцев и др. В дальнейшем их встречи происходили ежегодно — в Ялте или в Москве — вплоть до последнего отъезда Чехова за границу в 1904 г.

Первое время отношения между ними, хотя и были дружественными, но «оба были сдержанны» (И. А. Бунин. О Чехове. Нью-Йорк, 1955. См. в настоящем томе воспоминания Бунина о Чехове. В дальнейшем, при ссылках на эту книгу указываются страницы настоящего тома). Бунин охотно общался с приезжавшими в Ялту литераторами и актерами, иногда проводил время с Горьким, но все же выделял из всех Чехова. При том большом уважении, какое он питал к Чехову, он боялся быть навязчивым и оставался у Чеховых только по их настойчивым просьбам. 28 мая 1900 г. Бунин писал Н. Д. Телешову из деревни Огневки Орловской губ. о своем пребывании в апреле и мае в Крыму, куда приезжал Художественный театр и где в это время находились Горький и Станюкович: «В Ялте я закружился ⟨...⟩ Я перезнакомился со всеми актерами и некоторые из них оказались действительно славными людьми. С Горьким очень часто ездили то туда, то сюда ⟨...⟩ Был несколько раз у Чехова по его настойчивой просьбе — рано по утрам и думаю, что между нами установились бы очень хорошие отношения».

В январе и феврале 1901 г. Бунин, по возвращении из заграничной поездки, снова жил в Крыму, на даче Чехова,— сам Чехов был еще в Ницце и приехал в Ялту только 15 февраля; Бунина пригласила Мария Павловна. Она недели через две уехала, и Бунин остался вдвоем с матерью Чехова, Евгенией Яковлевной, с которой, по его признанию, подолгу вел разговоры об «Антоше». Он писал Юлию Алексеевичу 12 января 1901 г.: «Сегодня уехала Марья Павловна в Москву,— она очень хорошая и умная, и мы с ней очень подружились. Тут осталась мать Чехова и попросила меня

---

* Автографы писем Бунина, которые используются в статье, хранятся в следующих архивах: письма к М. П. Чеховой—в ЛБ, ф. 331, карт. 87, ед. хр. 49—53; к Н. Д. Телешову — в Отделе рукописей ИМЛИ, шифр 1730, 1745, 1764, 1765; к Ю. А. Бунину — ЦГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19; к И. А. Белоусову — там же, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534; к А. М. Федорову—там же, ф. 97 с/519, оп. 2-с, ед. хр. 2.

Письма М. П. Чеховой к Бунину цитируются по автографам, находящимся у автора настоящей статьи.

побыть у них,— зачем вам, мол, съезжать в гостиницу. Мамаша одна боится. Я, конечно, рад этому». По отъезде Марии Павловны Бунин, сообщая ей о здоровье «милой и кроткой Евгении Яковлевны», с которой у него была «большая дружба», писал, что Антон Павлович в письмах из Ниццы «опять повторяет, что скоро, очень скоро приедет»; при этом он прибавлял: «Как это ни дико, но я еще у вас! 〈...〉 Опишите представление „Трех сестер“» (письмо от 22 января 1901 г.).

Атмосфера творческих интересов и творческого труда на даче у Чехова, природа, действовавшая успокаивающе и вдохновляюще, привлекали Бунина. Здесь он написал некоторые свои стихотворения и рассказы («Сосны», «Туман на море») и «бился» над «Белой смертью». «Дни мои протекают,— писал он А. М. Федорову,— в каком-то поэтическом опьянении. Там, на горах, многое творится,— и снег, и бури, и туманы, и мрачные тучи, а у нас большей частью солнце, бирюзовое, радостное небо и залив моря вдали. Если бы ты знал, какой у меня вид из окон! Мы живем почти у самого Учан-Су. А в кабинете Антона Павловича огромнейшее полукруглое окно тройное и верх — из цветных стекол. Как тут в солнечные дни, можешь вообразить! Антон Павлович здоров и работает. Семья его очаровательная. Сегодня проводил в Москву своего большого друга,— его сестру Марью Павловну. Редкая девушка! В городе бываю почти каждый день,— тут у меня много знакомых, много пишу стихов, много-много начинаю рассказов, читаю ... обычно. И мечтаю».

Жизнь Чехова, его здоровье привлекали пристальное внимание Бунина. В конце января 1901 г. он писал Марии Павловне: «Все благополучно и хорошо, от Антона Павловича было несколько открыток — жив, здоров, собирается скоро сюда, Евгения Яковлевна здорова. Пишу вам завтра поподробнее». 6 февраля опять ей пишет: «Все благополучно и по-прежнему. Очень ждали от вас подробностей о „Трех сестрах“». Готовясь к отъезду в Одессу, Бунин пишет брату 4 февраля, что если бы остался еще в Ялте, то «только не у Чехова, конечно, потому что я ему все-таки не брат и не сват 〈...〉 Больше жить у Чехова стесняюсь». Неожиданно было получено известие о скором приезде Чехова, переменившее ближайшие планы Бунина.

«Дорогая Марья Павловна!— писал он из Ялты 18 февраля 1901 г. — 13 февраля во вторник я выбыл из Аутки на пароход, но на набережной увидел чрезвычайное волнение моря, и поэтому, дабы не докучать своей возней Евгении Яковлевне, отправился в гостиницу „Ялта“, где живу и до сего времени. Во вторник же Варвара Константиновна 〈Харкеевич〉 получила телеграмму из Одессы от Антона Павловича, что он едет. Значит, сложилось все чудесно, мы беспокоились только, что Антона Павловича будет качать. В четверг ночью он приехал, а в пятницу утром позвонил мне в телефон и позвал к себе. Был я у него и в пятницу, и в субботу, и сегодня — по целым дням, конечно, по его желанию, а не вследствие нахальства, присущего мне. Был он со мной очень ласков, а мне было очень приятно быть с ним. Он задержал меня здесь,— этим и объясняется то, что я еще здесь. Но в Аутку не переезжаю, ибо я все-таки на отлете. В Одессу все-таки еду, а затем в Москву.

Антон Павлович имел сперва немного утомленный вид, но сегодня был хорош, дай ему бог тысячу лет здоровья. Милая Евгения Яковлевна счастлива и здорова.

Что вы, милая Мафа? Желаю вам всего лучшего и целую ваши ручки. Напишите мне в Одессу: Софиевская ул., д. № 5 — побольше напишите. „Женская гимназия“ взяла меня в полон — очень милый и гостеприимный. Бываю каждый день.

Погода стала славная, но свежая — градусов 6—8 тепла — в тени, конечно.

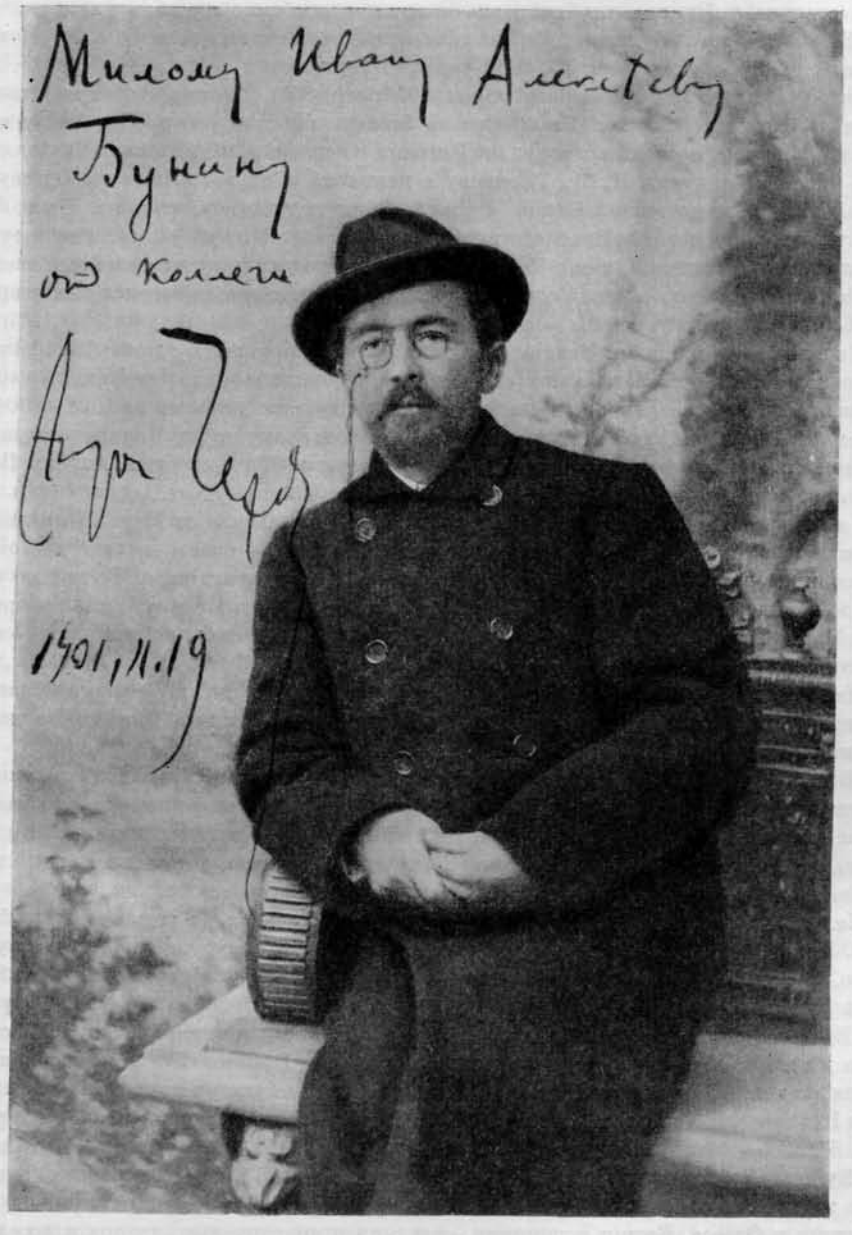
Многое поручил мне Антон Павлович написать вам, но потом решил написать сам.

Ну, пока до свидания, милая Амаранта.

Ваш Ив. Бунин

Поклон Книппершиц... Впрочем она в Птб?»

Чехов выражал желание, чтобы Бунин бывал в его доме с утра каждый день. Бунин, по его словам, рассказывал о деревне,— смешно при этом изображая в лицах мужиков и помещиков,—о своем увлечении толстовством и о жизни в Полтаве; Чехов—



ЧЕХОВ

Фотография с дарственной надписью: «Милому Ивану Алексеевичу Бунину от коллеги. Антон Чехов. 1901, II.19»

Собрание В. Н. Буниной, Париж

о жизни на Луке, вспоминал гоголевские места на Украине, которой восхищался. Говорить о литературе было для них «любимым делом». Неделя, проведенная с Чеховым, оставила у Бунина глубокое впечатление и особенно их сблизила.

В доме Чехова Бунин, по его признанию, стал своим человеком. «У Чеховых я как родной»,— писал он Ю. А. Бунину в это время («На родной земле. Литературно-художественный сборник». Орел, 1958, стр. 305). Самому Антону Павловичу сообщал 30 января 1901 г.: «Не сочтите за бесцеремонность мое пребывание у вас до сих пор,— я хотел переехать в город, но Евгения Яковлевна обижается». После отъезда он писал 22 февраля Н. Д. Телешову с парохода «Батум»: «Плыву в Одессу. Задержал в Ялте приехавший Чехов. Провел с ним неделю изумительно. Если бы ты знал, что это за человек!» Впоследствии он вспоминал: «У меня ни с кем из писателей не было таких отношений, как с Чеховым. За все время ни разу ни малейшей неприязни. Он был неизменно со мной сдержанно нежен, приветлив, заботился как старший» (стр. 650).

Еще в первом письме к Чехову (январь 1891 г.), обращаясь с просьбой прочитать его произведения и сказать о них свое мнение, Бунин говорит, что Чехов — «самый любимый ⟨...⟩ из современных писателей». Позднейшие письма, за 1901—1904 гг., проникнуты чувством глубокого уважения к писательскому труду Чехова и выражают благоговейное отношение к его личности. 13 января 1901 г., сообщая Антону Павловичу о своем пребывании в Ялте, он пишет о «величайшем удовольствии» быть в его доме, в кругу родных, где все напоминало его самого; «слышал от Марьи Павловны,— говорит он в заключение письма,— что вы работаете,— очень желаю настоящего настроения и равновесия». В письме от 20 марта Бунин приглашал Чехова по своем приезде из Одессы в Ялту вместе отправиться «на север»— в Москву, куда собиралась также Мария Павловна. «Все это — и переезд по морю и свидание с ней и с вами — очень заманчиво»,— пишет он.

Надеясь побывать в Ялте в сентябре 1901 г., Бунин писал Чехову 12 августа: «С искренним удовольствием думаю о встрече с вами и со всеми вашими», и дальше спрашивал, когда Чехов поедет в Москву.

В письмах к Чехову Бунин обычно сообщал о своих творческих делах, замыслах и личных планах, в случае возможности — согласовывал свои обычные и частые переезды с места на место с тем, где жил Чехов, чтобы чаще встречаться с ним. 11 ноября 1901 г., сообщая из Москвы о предстоящей поездке в деревню, а потом в Крым, пишет: «Издаю новый том стихов, написал два маленьких рассказа».

Чехов в письмах,относящихся к этому времени, отзывался о Бунине с большой теплотой. 8 января 1901 г. он писал матери: «Очень радуюсь тому,что Бунин гостит у нас, жалею,что меня нет дома» (XIX, 15). В письме к Книппер от 20 февраля 1901 г. из Ялты: «Здесь Бунин, который, к счастью, бывает у меня каждый день» (XIX, 40). Присутствие Бунина поднимало дух Чехова, как это видно из воспоминаний Станиславского. Никто из писателей не умел так смешить Чехова, как Бунин. «Когда истощался личный запас юмора, Бунин читал Чехову его собственные юмористические рассказы, и Антон Павлович смеялся так, как будто это были чужие произведения» (А. Федоров. А. П. Чехов.— В кн. «О Чехове. Сборник воспоминаний». М., 1910, стр. 285). По отъезде Бунина Чехов иногда жаловался на одиночество. 23 февраля этого же года он писал жене из Ялты: «Был Бунин здесь, теперь он уехал — и я один».

Будучи в Одессе, Бунин вспоминал, «как мил и сравнительно здоров и весел был дорогой Антон Павлович», «искренне радуясь» успеху Художественного театра при постановке «Трех сестер». Говоря об этом в письме к Марии Павловне (от 3 марта 1901 г.), Бунин прибавлял: «Антон Павлович все называл меня „Букишоном“. Правда — хорошо?»

Состояние здоровья Чехова было, однако, угрожающим. Это особенно беспокоило родных в связи с его женитьбой. Мария Павловна писала Бунину 6 июня 1901 г.: «Что вам написать, дорогой Иван Алексеевич? Настроение убийственное, все время чувствую никчемность своего существования. Причина этому отчасти женитьба брата. Случилось это неожиданно. Я оставила брата в Москве совершенно больным. Ординатор Остроумова, выслушав его, нашел процесс и в другом легком, послал его на ку-

мыс. 25 мая получаем телеграмму, что венчается. Я долго волновалась, все спрашивала себя: к чему Олечке понадобилась вся эта трепка для больного, да еще в Москве? Но, кажется, дело обошлось благополучно. Я получаю теперь от них хорошие письма. После кумыса молодые приедут в Ялту. Вот ваш экспромт — „У Антоши в кабинете", пожалуй, и пригодится. Конечно, боюсь, чтобы наши отношения с Книппиц не изменились. Начала думать даже о своем замужестве и потому прошу вас, Букишончик, найдите мне жениха побогаче и чтобы был щедрый. Писать не охота, а поговорила бы с вами с большим удовольствием. Пишите вы мне побольше. Скучаю очень по Антоше и по Олечке».

Кое-что мог узнать Бунин в эту пору о Чехове от своих одесских друзей, А. М. Федорова и несколько позднее от П. А. Нилуса. Федоров писал ему 14 февраля 1901 г. после встречи в Одессе с Чеховым, возвращавшимся из Италии в Ялту: «Я влюбился в Чехова. Он изумительно сливается с своими произведениями ⟨...⟩ Познакомился и Куприн с Чеховым. Он очень хочет тебя видеть. Приезжай же скорей» (Музей И. С. Тургенева в Орле).

Весной 1901 г. Чехов снова пригласил Бунина к себе. По этому поводу Бунин писал брату Юлию Алексеевичу 27—28 марта: «Получил от Чехова страшно ласковое письмо,— прямо горячо просит приехать. Получил нынче кроме ⟨того⟩ телеграмму о том же». Бунин ответил Чехову 28 марта телеграммой: «От души благодарю. На днях буду». Он уехал из Одессы вместе с Куприным и пробыл в Ялте до 15 апреля.

По отъезде в деревню (Ефремовского уезда, Тульской губ.) он «опять с большой любовью вспоминал Ялту», Марию Павловну, Книппер и «Антошу», который в это время должен был приехать в Москву (письмо от 28 апреля к М. П. Чеховой).

Чехов хлопотал о присуждении Бунину пушкинской премии Академии наук за стихи, писал в связи с этим в мае 1901 г. А. Ф. Кони (XIX, 83). В это время Бунин собирался в Москву, надеясь увидеть Чехова. «Он мне писал,— сообщает Бунин Марии Павловне 28 мая 1901 г.,—но начал письмо так: „Милый, душеспасительный Иван Алексеевич, господин Букишон!.." За „душеспасительного" я чуть не обиделся».

Новое приглашение приехать в Ялту Чехов послал Бунину 30 июня. Отвечая на его письма, Бунин спрашивал в письме от 12 августа 1901 г.: «Можно ли Нилусу приехать рисовать вас? Если можно, то когда удобнее?» Отправился вместе с писателем и художником П. А. Нилусом в начале сентября, но работа над портретом была начата позднее. «Третьего еду с Нилусом в Ялту, меня зовет Чехов,— писал он Юлию Алексеевичу 31 августа 1901 г. из Одессы.— Приеду числа 20 сентября в Москву с Чеховым». Уехал он в Ялту, однако, 2 сентября (письмо к Телешову от 1 сентября 1901 г.). На этот раз они собирались вместе в Гурзуф, но Чехов должен был побывать у Толстого в Гаспре, и поездка не состоялась. «Конечно, по его возвращении,— пишет Бунин,— я уже был у него в Аутке и с жадностью слушал рассказы о Толстом» (стр. 656).

15 сентября Чехов уехал в Москву и прожил там до 26 октября; бывал на репетициях «Трех сестер» и «остался доволен» (стр. 657). Бунин не раз приходил к нему на Спиридоновку.

Бунин собирался из Москвы в Крым в конце 1901 или в начале 1902 г., но вынужден был по делам поехать в Петербург, а потом в Одессу. «Теперь сижу, прикованный к месту корректурой,— пишет Бунин Чехову 11 января 1902 г.,— выпускаю томик новых стихотворений, книжку рассказов и 2-е издание „Гайаваты". Издает „Знание" ⟨...⟩ Приедет ко мне в конце января или февраля Андреев с молодой женой, и тогда мы вместе отправимся в Крым».

Апрель 1902 г. прошел для Чехова среди близких людей, было много оживленных разговоров, остроумных шуток и смеха. Приехали в Ялту Телешов, Горький, Куприн, Елпатьевский, собирались по вечерам у Чехова. Прибыли из Одессы Бунин и Нилус, который должен был писать портрет Чехова. Отправились они в Ялту в конце марта: «Еду туда 25—27»,—сообщал Бунин Телешову 21 марта.

По просьбе Чехова на сеансах присутствовал Бунин. Собиравшиеся на аутской даче писатели иногда упрашивали его читать рассказы Чехова, который, слушая, «буквально трясся от хохота в своем мягком кресле, но молча, стараясь сдержаться»

(Н. Д. Телешов. Записки писателя. М., 1948, стр. 76). «Разговор шел обо всем,— вспоминал потом Нилус: — и о литературе, и о критиках, об издателях и о том, как нужно писать. О ценах на землю, о будущности „открыток", которые тогда стали входить в моду, о революции, о новом читателе и о том, как нужно себя держать с приятелем, приехав на извозчике, желая уклониться от платежа... и т. д., и т. д.» («Речь», 1914, № 177, от 2 июля).

10 апреля прибыла из Петербурга больная Книппер, писание портрета, конечно, прекратилось. Вскоре находившиеся в Ялте писатели разъехались. 24 апреля 1902 г. Бунин сообщает Телешову из Ялты: «Нилус уехал, не дописавши портрета — привезли Книппер больную. Пиши мне, пожалуйста, на Чехова». Портрет был закончен Нилусом через несколько лет после смерти Чехова — «по наброску и фотографиям» (там же).

Чехов и Книппер уехали в Москву. Мария Павловна сообщала Бунину 12 июня 1902 г. из Ялты: «В настоящую пору мой знаменитый брат с не менее знаменитой супругой в Москве. Супруга все еще больна и сильно, она уезжает в Франценсбад, и Антоша отправляется в путешествие по Каме, по Волге и потом в Ялту приедет в начале июля».

Серьезно болен был тогда и Чехов, о чем узнал Бунин из письма Марии Павловны (от 25 августа 1902 г.): «Антоша вернулся домой, настроение у него хорошее, но здоровье — не ахти! Было в Москве два раза кровохарканье. Теперь кормлю его и ухаживаю за ним и грущу, что 4-го надо уезжать, в Москве, значит, буду 6-го. Заверните, если будете в Москве».

Побывавши в деревне Огневке, Бунин отправился в Москву. В середине октября прибыл туда Чехов и через Найденова запиской известил Бунина, «что он здесь». В конце ноября Чехов из Москвы уехал, ждал Бунина в Ялте; Мария Павловна писала ему 1 января 1903 г.: «Антоша жалеет, что вы не приехали, ждет вас все-таки».

В 1903 г. Бунин бывал у Чехова в феврале или марте, по его просьбе ездили в Ореанду; потом встречались в мае, в Москве, на Петровке. Чехов после этого пожил некоторое время в Наро-Фоминске и 9 июля приехал в Ялту, где писал «Вишневый сад». В начале декабря Чехов приехал в Москву. Был здесь и Бунин. «Ежедневно по вечерам,— вспоминал он потом,— я заходил к Чехову, оставался иногда у него до трех-четырех часов утра, то есть до возвращения Ольги Леонардовны домой ⟨...⟩ И эти бдения мне особенно дороги» (стр. 665). Оставаясь вдвоем, Бунин старался развлечь Чехова, рассказывал о себе, — говорили и о братьях Чехова, Николае и Александре — образованном и, по словам Антона Павловича, необыкновенно талантливом человеке. Этот раз они особенно сблизились.

Бунин присутствовал на премьере «Вишневого сада», состоявшейся 17 января 1904 г. С постановкой пьесы он был уже отчасти знаком по репетициям; многое ему не понравилось, о чем он, конечно, никому не говорил, из опасения, что это может стать известным Чехову и взволнует больного писателя.

Виделись они последний раз в Москве; сперва — на заседании «Среды» у Н. Д. Телешова 11 февраля 1904 г., где были также Горький, Андреев, Вересаев, Белоусов, М. П. Чехова; а потом ненадолго Бунин заезжал на квартиру к Чехову, который 15-го отбыл в Ялту.

Смерть Чехова потрясла Бунина. О его кончине он узнал в начале июля 1904 г. в Лукьянове, Тульской губ., Ефремовского уезда, куда приезжал на почту: «...взял там газеты и письма и завернул к кузнецу перековать лошади ногу ⟨...⟩Я развернул газету, сидя на пороге кузнецовой избы,— и вдруг точно ледяная бритва полоснула по сердцу» (стр. 668). Вернувшись поздно, по вечерней заре, домой, он не мог успокоиться: ездил среди хлебов и плакал.

В письме к Марии Павловне от 9 июля 1904 г. он говорит: «Дорогой, горячо любимый друг, я буквально как громом поражен. А тут еще горе — у матери крупозное воспаление легких, а ей под семьдесят лет. Не мог и не могу поэтому приехать в Москву, — прошу вас только помнить, что все ваши страдания в эти дни я переживаю с вами с невыразимой болью. Посылаю самый сердечный и горячий привет всем

вашим и прошу вас — если будете в состоянии — напишите мне хоть слово о себе. Преданный вам всей душой И. Б у н и н». 17 июля 1904 г. Бунин писал поэту Белоусову: «Дорогой друг, извини за молчание — у меня тяжело больна мать, — так тяжело что я не знаю, чем все это кончится. А тут еще смерть Чехова!..» В письме от того же числа к А. М. Федорову он говорит: «Дорогой друг, я переживаю ужасные дни. Смерть Чехова потрясла меня необыкновенно, а на другой день мама, которая все прихварывала, слегла в постель от крупозного воспаления легких».

Вскоре, после поездки по Кавказу, Бунин начал писать воспоминания «Памяти Чехова» и 24 октября 1904 г. прочитал их в Обществе любителей российской словесности, на торжественном заседании памяти Чехова (дата стоит на гранках воспоминаний.— ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 18). Второй раз он их читал в Художественном театре по просьбе В. И. Немировича-Данченко, который писал Бунину 11 января 1910 г.: «Художественный театр к вам с низкой просьбой: прочесть 17-го утром о Чехове. Немного. Минут 15—20» (там же, ед. хр. 165). Это выступление явилось событием в литературно-театральной жизни Москвы.

«Художественный театр,— писал Бунин,— отметил пятидесятилетие со дня рождения Антона Павловича литературным утренником, на котором выступал я со своими воспоминаниями. Это было 17 января 1910 года. Театр был переполнен. В литерной ложе с правой стороны сидели родные Чехова: мать, сестра, Иван Павлович с семьей, вероятно, и другие братья,— не помню.

Мое выступление вызвало настоящий восторг, потому что я, читая наши разговоры с Антон Павловичем, его слова передавал его голосом, его интонациями, что произвело потрясающее впечатление на семью: мать и сестра плакали.

Через несколько дней ко мне приезжали Станиславский с Немировичем и предлагали поступить в их труппу» (стр. 668). Станиславский предлагал Бунину роль Гамлета в новой постановке трагедии Шекспира («Русские новости», Париж, 1959, № 731, от 5 июня).

Чеховское утро,— писала «Речь» (1910, № 17, от 18 января) привлекло «цвет московского общества. На утре присутствовали: Л. Андреев с женой, художник Серов, композитор Скрябин и многие другие. Артисты Художественного театра разместились на сцене за длинным столом, покрытым зеленым сукном. Среди них была госпожа Книппер. В. И. Немирович-Данченко предложил почтить память покойного вставанием; затем произнес речь о роли Чехова в Художественном театре и попутно дал характеристику Чехова как человека». «Новое время» (1910, № 12160, от 18 января) сообщало: «Госпожа Книппер и господа Качалов, Станиславский, Москвин и Леонидов в своих платьях, без грима прочли на память первый акт из „Иванова". Зрительный зал наградил их шумными рукоплесканиями. Во втором отделении почетный академик И. А. Бунин прочел личные воспоминания о Чехове. Он познакомил аудиторию с напечатанными в журнале ⟨!⟩ „Знание" воспоминаниями, которые он облек в более сжатую форму. Своему реферату Бунин предпослал небольшое заявление, что он с особенным удовольствием читает о Чехове в этом театре, который столько сделал, чтобы дать русскому обществу ясное понимание Чехова. Свои воспоминания г. Бунин прочитал сильно взволнованным голосом. Так как для большинства публики эти воспоминания были очевидно мало знакомы, то чтение слушалось с большим интересом и автор имел шумный успех. Вслед за тем г-жи Книппер, Лилина, Раевская и Самарова и гг. Вишневский, Станиславский, Лужский и Артем прочитали на память третий акт из „Дяди Вани". О чтении Бунина «Речь» писала 19 января: «Прекрасно, искренне и взволнованно произнесенная речь в взволнованной обстановке сегодняшнего праздника произвела большое впечатление. Переполненная зала то гремела смехом, когда приводились милые чеховские шутки, то сидела, притаив дыхание, когда обозначалось скорбное, благородное и прекрасное лицо Чехова».

Через день, 19 января, состоялось «чеховское утро» в университете; было много профессоров и представителей литературного мира; среди присутствующих находились И. П. Чехов и Н. Н. Златовратский. С чтением чеховских произведений выступали И. М. Москвин и В. И. Качалов. Бунин «познакомил собравшихся со своими воспоминаниями» («Речь», 1910, № 19, от 20 января) и прочитал рассказ Чехова

«В усадьбе» («Итоги юбилея».— В кн.: «О Чехове. Сборник воспоминаний». М., 1910, стр. 337).

Поэт А. С. Черемнов писал Бунину 12 июля 1914 г. по поводу его новых записей о Чехове, напечатанных в «Русском слове» («О Чехове. Из записной книжки».— 1914, № 151, от 2 июля): «Я читал недавно в газете ваши воспоминания о Чехове, и они мне очень понравились. Взглянув на А. П. через десять лет, сквозь призму вашей богатой души и сквозь мелкий налет раздражения на современников, которых „бог дал мне в товарищи“, вы прибавили много ценных черт к 〈...〉 Чехову». «Радуюсь я вашей манере письма, этому искреннему, раздраженному тону. Из всех „товарищей“ вы один, пожалуй, подбавляете к чернилам крови сердца» (автограф неопубликованного письма Черемнова хранится у К. П. Пушешниковой).

Впоследствии воспоминания «Памяти Чехова» и «О Чехове. Из записной книжки» Бунин объединил и переработал для зарубежных изданий, озаглавив «Чехов». В. Н. Муромцева-Бунина в своей книге «Жизнь Бунина» (Париж, 1958), пишет: «Перед смертью ему попалась эта книга „Сборник памяти Чехова“ 〈одно из следующих изданий: Сборник товарищества «Знание» за 1904 г., кн. 3. СПб., 1905. «Посвящается памяти А. П. Чехова»; или «Памяти А. П. Чехова». М., Общество любителей российской словесности. 1906.— *А. Б.*〉. Он прочел первую свою редакцию воспоминаний и написал на книге: „Написано сгоряча, плохо и кое-где совсем неверно, благодаря Марье Павловне, давшей мне, по мещанской стыдливости, это неверное. И. Б.“».

Не совсем верным он считал данное им ранее освещение личности Чехова. В книге «Чехов в воспоминаниях современников» (М., Гослитиздат, 1947) он прочитал впервые опубликованные воспоминания Л. А. Авиловой. И эти воспоминания, «написанные с большим блеском, волнением, редкой талантливостью и необыкновенным тактом», были для него «открытием» и помогли лучше понять присущие Чехову оригинальные черты. «Прочтя ее воспоминания,— пишет Бунин,— я и на Чехова взглянул иначе, кое-что по-новому мне в нем приоткрылось» (И. А. Бунин. О Чехове. Нью-Йорк, 1955, стр. 135).

Авилову Бунин хорошо знал, и ему в ней что-то напоминало Чехова,— говорил он об этом еще тогда, когда не мог и подозревать о бывших между ними отношениях.— В 1917 г. Н. А. Пушешников, племянник Бунина, переводчик Киплинга и Тагора, записал 25 мая 1917 г., будучи в селе Глотове (в имении Васильевском) Орловской губ.: «Ночью гроза. Иван Алексеевич почему-то, когда распахивалось небо от молний, вспомнил писательницу Авилову и сказал про нее:

— Она принадлежит к той породе людей, к которой относятся Тургеневы, Чеховы. Я говорю не о талантах,— конечно, она не отдала писательству своей жизни, она не сумела завязать тот крепкий узел, какой необходим писателю, она не сумела претерпеть все муки, связанные с литературным искусством, но в ней есть та сложная таинственная жизнь. Она как переполненная чаша».

В июне того же года снова говорил про Авилову: «Я помню ее в юности. Вся бледная, с белыми волосами, с блестящими глазами 〈...〉 Молодая девушка с розами на щеках. Она обладает таким тактом, таким неуловимым чутьем, каким не обладает ни один из моих товарищей по перу». (Записи Н. А. Пушешникова хранятся у К. П. Пушешниковой).

По приглашению Общества деятелей периодической печати Бунин участвовал в открытии комнаты Чехова в санатории Н. А. Вырубова и А. Г. Хрущева, близ станции Крюково, Николаевской железной дороги 24 декабря 1909 г. Здесь были Иван Павлович и Мария Павловна Чеховы, писатели и театральные деятели: С. С. Голоушев, Б. К. Зайцев, Н. Е. Эфрос, А. И. Сумбатов, С. С. Мамонтов, Вл. И. Немирович-Данченко, П. А. Сергеенко, О. Л. Книппер и др.

Бунин вел переговоры с Марией Павловной и с Книппер об издании писем Чехова в Издательстве «Знание», стараясь получить от них автографы, писал об этом 4 ноября 1904 г. Горькому («Новый мир», 1956, № 10, стр. 201). Попытка эта не имела успеха. Письма Чехова были напечатаны значительно позднее — в 1912—1916 гг.— под редакцией М. П. Чеховой, в шести томах, «Книгоиздательством писателей в Москве». При подготовке их к изданию Мария Павловна просила Бунина написать предисловие,

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «НЕВЕСТА»

Рисунок В. М. Конашевича, 1929 г.

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроводится с негатива Литературный музей. Москва

и он согласился. 3 мая 1911 г. он сообщал ей из Москвы: «Дорогая Мария Павловна, обещание свое помню, предисловие,— если оно удастся мне,— дам с великим удовольствием, сообщите только, как мне получить письма для прочтения ⟨...⟩ Надо ехать в деревню. Верно, побываю летом в Крыму, но когда — еще не знаю. А посему — не лучше ли всего присылать мне письма в корректуре?»

Бунин заболел и в Крым не попал, поэтому «потолковать о деле, о письмах» с Марией Павловной ему не пришлось, и он просил прислать их тексты в Москву. «Правда, то, что будет в первом томе, я читал, но мне необходимо еще раз прочитать и сделать заметки для себя» (письмо от 12 августа 1911 г.).

Переговоры о предисловии закончились письмом Бунина 25 сентября 1911 г. из Москвы к Марии Павловне: «Письма Антона Павловича брал у Сытина и, мгновенно перечитав, снова возвратил ему для набора. Письма восхитительны и могли бы дать материала на целую огромную статью. Но тем более берет меня сомнение: нужно ли мне писать вступление к ним? Крепко подумавши, прихожу к заключению, что не нужно. Ибо что я могу сказать во вступлении? Похвалить их? Но они не нуждаются в этом. Они — драгоценный материал для биографии, для характеристики Антона Павловича, для создания портрета его. Но уж если создавать портрет, так надо использовать не один том их, а все, да многое почерпнуть и из других источников. А какой смысл во вступительной заметке?»

Мария Павловна после этого просила Бунина написать к письмам заметку от редактора и советовалась с ним о подготовке издания. «Я все-таки надеюсь,— писала она 1 октября 1911 г., — что вы напишете что-нибудь для первой книги, хотя бы как будто от меня — выразили бы мою цель обнародования этих писем. Мне бы очень хотелось самой что-нибудь написать, но ведь я же не умею! Приеду я в Москву 1 ноября, повидаюсь с вами и посоветуюсь о многом. Раньше не выпущу книги, чем сама не буду чувствовать, что все хорошо ⟨...⟩ Хочется интересное заглавие устроить из тех сокращений, которые я сделала из писем. Возьмите у Сытина материал для второй книги и прочтите, там очень много писем к Суворину. Остальной материал я привезу и дам вам.

Думается, не сократить ли письма количественно и оба первых тома соединить в одну книгу? Все это, когда я приеду, решим».

Из писем Марии Павловны становится известным и то, что с Буниным велись переговоры о биографии Чехова для его собрания сочинений, выходившего приложением к журналу «Нива». 27 апреля 1911 г. она сообщала Бунину: «Зимою ездила по делам в Петербург, там П. В. Быков (из „Нивы") просил меня указать, кто бы мог написать для издания Маркса биографию Чехова. Я указала на вас и отвергла предложенного им Айхенвальда. Если бы вы согласились и позволили написать Быкову?!» Бунин ответил 3 мая, что «сообщением о Быкове очень заинтересован,— напишите ему, пожалуйста!» 3 августа Мария Павловна переслала Бунину письмо Быкова и спрашивала: «В чем должно заключаться мое посредничество между вами и Быковым?» Однако по вине издательского товарищества биография Чехова Буниным не была написана. «Жаль,—писала Мария Павловна 1 октября 1911 г.,— что вы не сошлись с m-me Маркс, конечно, насчет биографии. Очень жаль, я так мечтала, что вы напишете». В соответствии с кабальным договором «m-me Маркс» требовала от Марии Павловны «посмертных произведений покойного брата» (письмо М. П. Чеховой к Бунину от 9 июня 1906 г.).

Интерес Бунина к Чехову был постоянный. Думал он о нем и в последние дни своей жизни. По воспоминаниям М. Алданова, когда больному Бунину читать стало трудно, «читала вслух жена, Вера Николаевна. 7 ноября читала ему до полуночи (он скончался через два часа после этого) письма Чехова; он просил делать в некоторых местах отметки: готовил о Чехове книгу. О нем всегда говорил с нежностью; а о Льве Толстом с благоговением,— с ним никого и сравнивать нельзя» («Новый журнал», Нью-Йорк, 1953, кн. 35).

Чехов со своей стороны ценил литературный талант Бунина, и видел в молодом еще тогда писателе взыскательного художника. О рассказе «Сосны», оттиск которого он получил от Бунина в 1902 г., писал как об «очень новом, очень свежем и очень хорошем» (XIX, 222). «Великолепными», по его мнению, являются другие рассказы Бунина тех лет — «Сны» и «Золотое дно», напечатанные в сборнике «Знание» 1903 г. под общим заглавием «Чернозем»: «... есть места просто на удивление» (письмо к А. В. Амфитеатрову от 13 апреля 1904 г.— XX, 268).

По воспоминаниям Телешова, Чехов перед отъездом за границу, в свои предсмертные дни, выражая пожелание успеха товарищам Телешова по «Среде», сказал: «А Бунину передайте, чтобы писал и писал. Из него большой писатель выйдет. Так и скажите ему это от меня. Не забудьте (Н. Д. Телешов. Записки писателя. М., 1948, стр. 86). Еще в 1900 г. Чехов подарил Бунину свой портрет с надписью: «Ивану Алексеевичу Бунину с восторгом и благоговением».

Их сближало, кроме взаимной личной симпатии, одинаковое отношение к современной литературе, общее понимание ее реалистических задач, любовь к художественному слову. «Выдумывание художественных подробностей и сближало нас, может быть, больше всего,— вспоминал Бунин.— Он был жаден до них необыкновенно, он мог два-три дня подряд повторять с восхищением художественную черту, и уже по одному этому не забуду я его никогда, всегда буду чувствовать боль, что его нет» (И. А. Бунин. О Чехове. Нью-Йорк, 1955, стр. 210).

Оба благоговели перед Толстым и холодно относились к Достоевскому, а к «модернистам» и «декадентам» — с неприязнью, считая «новое» искусство вздором. Чехову «смешны и противны были» декаденты (там же, стр. 210). И для Бунина «акмеисты, адамисты, модернисты, символисты» были «беспочвенным, наносным и вредным явлением в нашей литературе», знаменуя ее упадок. «Странным и непонятным для меня,— говорил Бунин корреспонденту одной из одесских газет весной 1912 г.,— являются серьезные статьи об Игоре Северянине — об этой слишком мелкой величине в литературе. Зачем рассуждают о них так глубоко и серьезно ⟨...⟩ К чему говорить о людях, которые несут вздор или по недостатку ума или по лукавым соображениям?»

У Чехова, ненавидевшего «высокие» слова и «поэтические красоты», Бунин находил образцы простоты, краткости и сжатости речи, новое, беспощадно правдивое изображение деревни. «„В овраге",— по его словам,— одно из самых замечательных

произведений не только Чехова, но во всей всемирной литературе» (И. А. Бунин. О Чехове. Нью-Йорк, 1959, стр. 124).

Критика того времени, преувеличивая чеховское влияние на Бунина, нередко писала о сходстве мотивов и образов в произведениях обоих писателей.

В. Л. Львов-Рогачевский в статье «Символисты и наследники их» развивал нелепую мысль о Чехове и Бунине как зачинателях модернизма: «Здесь чувствуются зачатки нового реализма, который использует огромную работу поэтов-символистов» («Современник», 1913, № 7, стр. 307).

Наиболее прямолинейно писал о чеховском влиянии на Бунина А. А. Измайлов («Юбилей И. А. Бунина».— «Биржевые ведомости», веч. вып., 1912, № 13218, от 27 октября): «О Бунине нельзя говорить, не беспокоя прекрасной тени Чехова. Бунин больше, чем „его школы". Он плоть от плоти и кровь от крови чеховского поколения, чеховского настроения, чеховских симпатий. Всего какая-нибудь десятилетняя разница хронологически лежала между ними.

Если искать в русском стихе чеховских настроений,— Бунин будет здесь первым и самым значительным и интересным. Если искать в прозе чеховских переживаний, но не наигранных, не подражательных и однако же моментами прямо, до буквальных слов, до тождественных тем, совпадающих с чеховскими настроениями и темами,— опять Бунину придется отдать первенство». По его словам, «яд рассудительности медика, который тек в жилах Чехова, как бы разлит и в крови Бунина».

Критик газеты «Утро России» (1910, № 119-86, от 2 марта), познакомившийся с повестью Бунина «Деревня» до ее опубликования, по корректуре (отрывок был напечатан в «Утре России» под заглавием «Утро»,— 1909, № 34-1, от 15 ноября), утверждал, что Тихон Ильич Красов «замешен из того же теста», что и чеховский Лопахин. Бунин на это отвечал в интервью газете «Одесский листок» (1910, № 58, от 12 марта): «Это неверно. Лопахин — купец; Красов — мужик. Благополучие свое он основал не столько ⟨...⟩ на развалинах разорившейся дворянской усадьбы „Дурновки", сколько, главным образом,— на деревенской бедноте».

Чеховским традициям в творчестве Бунина в значительной мере посвящена статья Д. Л. Тальникова «При свете культуры. (Чехов, Бунин, С. Подъячев, Ив. Вольный)» («Летопись», 1916, январь). В отличие от тех, кто писал о прямом влиянии Чехова на автора «Деревни» и чуть ли не о подражании Чехову, Тальников говорит о преемственности критического изображения деревенской жизни — «чуждой идеализации, суровой в своей строгой правде — и в каких совершенных художественных формах!» По словам критика, «под пером двух мастеров совершилась переоценка всего, что до сих пор определяло наше отношение к деревне — отношение, в котором больше всего уделялось места барской жалостливости и совестливости». По его мнению, Бунин в «Деревне» «дал перевес не личности, как это у Чехова, а почве, устоям, но это не значит, чтобы эти устои не находили в его картине своего конкретного художественного выражения, главным образом в лицах и фигурах. И Бунин приходил к личности, к самому мужику, носителю вековых устоев» (стр. 284—285).

Стремясь уложить своеобразный талант Бунина в привычные рамки, критики писали не только о чеховском влиянии на его творчество, но наряду с этим изображали Бунина продолжателем Тургенева, находя у него «поэзию запустевшей усадьбы ⟨...⟩ тихие слезы русского барина, последнего барина в литературе» («Внук Тургенева».— «Приазовский край», Ростов-на-Дону, 1912, № 283, от 28 октября).

Как о представителе «заветов Тургенева» в современной литературе писала газета «Саратовский вестник» (Л. Клод. Певцу Листопада.— «Саратовский вестник», 1912, № 237, от 28 октября). «Верным учеником» Чехова и Тургенева представлялся Бунин А. А. Измайлову («Русское слово», 1913, № 249, от 28 октября).

Отвечая критикам, говорившим о подражании Тургеневу и Чехову, Бунин писал: «Решительно ничего ни тургеневского, ни чеховского у меня не было» (Собр. соч. Изд. «Петрополис», т. I, стр. 22). Более подробно говорил об этом Бунин корреспонденту газеты «Одесские новости» (1914, № 9398 от 2 (15) июля): «Имел ли на меня, как на писателя, Чехов влияние? Нет. Я был поглощен, восхищен им, но не испытывал желания: вот бы так именно написать, как написал Чехов. Для меня был богом

Л. Н. Толстой. Конечно, как умный благородный человек, с которым я имел счастье встречаться, Чехов имел на меня влияние, но влияние это было не непосредственное».

Утверждения рецензентов о «чеховских настроениях» у Бунина вызывали насмешку у самого Чехова. «Критики,— пишет Бунин в книге «О Чехове»,— еще боялись высказывать обо мне мнение, старались найти, кому я подражаю. Случалось, что во мне находили „чеховское настроение". Оживляясь, даже волнуясь, он восклицал с мягкой горячностью:

— Ах, как это глупо! Ах, как глупо! И меня допекали „тургеневскими нотами". Мы похожи с вами, как борзая на гончую. Вы, например, гораздо резче меня» (стр. 651).

Бунин восхищался Чеховым, считал его и Толстого наиболее замечательными русскими писателями второй половины XIX и начала XX в., воспринял у него, как и у других русских классиков, простоту и точность языка и стремление к реалистическому изображению жизни, но не подражал — даже в молодые годы, когда его писательская манера только складывалась. Автор «Степи» был также близок Бунину своей любовью к жизни. Он возражал тем, кто называл Чехова «хмурым» писателем, певцом «сумеречных настроений», «больным талантом», человеком, смотрящим на все безнадежно и равнодушно. Для Бунина Чехов — натура глубокая, чуждая той односторонности, которую приписывали ему иногда мемуаристы.

В интервью корреспонденту газеты «Одесские новости» (1902, № 5844, от 29 декабря) К. И. Чуковскому Бунин говорил: «Вообще о Чехове составилось совершенно неправильное представление, как о холодном, наблюдающем, „постороннем" человеке,—это задушевнейшая, открытая натура, чуждая всякой лжи и притворства, артистически чуткая и восприимчивая ⟨...⟩ В прошлом году я гостил у него с художником П. А. Нилусом—так мы за все время нашего пребывания только и делали, что хохотали. Говорят, когда Антон Павлович был гимназистом,—не было такого веселого и беззаботного мальчика.

— Беззаботного! — удивился я, — пишет Чуковский. — Неужели и теперь в его смехе есть беззаботность? Откуда же берется трагический дух его рассказов? Откуда это серьезное и благоговейное отношение к жизни, как к чему-то огромному, значительному и торжественному?

— Видите ли, это слишком сложная натура, для того, чтобы ее можно было определить каким-нибудь одним словом. Его отношения к людям проникновенны и глубоки. Он вкладывает слишком много сердца в каждое самомалейшее отношение, он необычайно требователен и к себе и к другим, но все это тонет у него в художественной роскоши его большого характера, в его вдумчивой и нежной любви ко всякому проявлению жизни».

Бунин говорил Н. А. Пушешникову в конце 1911 или в начале 1912 г., когда они жили на Капри: Чехов был «твердый и неуступчивый в некоторых вещах человек! Я и не запомню другого такого. А его рисуют всегда слащаво, каким-то женственным, нежным, беспомощным». В другой раз, в октябре 1911 г., он сказал также, что Чехов — это «такой большой, такой одаренный, такой замечательный человек, художник и поэт» Он постепенно преодолел свойственное более ранним произведениям некоторое однообразие стиля: «Вечер. На столе горит лампа. Земский врач... и т. д.» ⟨...⟩ В своих «последних вещах он отошел от этой манеры. В них он действительно достиг большого совершенства. „Архиерей" написан, например, изумительно. Только тот, кто занимается сам литературой и сам испытал эти адские мучения, может постигнуть всю красоту этого произведения. Критики, кстати сказать, обошли молчанием».

По словам Бунина, Чехов — «один из самых замечательных русских писателей».

Ниже печатаются по автографам все сохранившиеся в архиве Чехова (ЛБ, ф. 331, 37/54) письма Бунина к нему — 17 писем и телеграмм. Письма 1 и 3 были ранее опубликованы в журнале «Новый мир», 1956, № 10; письмо 4 — в сб. «На родной земле». Орел, 1958.

ПИСЬМА БУНИНА К ЧЕХОВУ

1

<Елец. Начало января 1891 г.>

Многоуважаемый Антон Павлович!

Начинающие «писатели» имеют обыкновение ужасно надоедать различным редакторам, поэтам, беллетристам, более или менее известным, и очень многим другим с просьбами прочесть их произведения, сказать «беспристрастное» мнение и т. д. и т. д.,— я принадлежу к этим господам, сознаю, что подобные просьбы иногда даже нетактичны и невежливы и... все-таки предлагаю их. К гг. редакторам обращаться считаю, впрочем, излишним, почему — понятно. Обратиться поэтому решился к какому-либо писателю. Так как вы самый любимый мной из современных писателей и так как я слыхал от некоторых моих знакомых (харьковских), знающих вас, что вы простой и хороший человек,— то «выбор» мой «пал» на вас. К вам я решился обратиться с следующей просьбой: если у вас есть свободное время для того, чтобы хоть раз обратить внимание на произведения такого господина, как я,— обратите, пожалуйста. *Ответьте мне, ради бога, могу ли когда-нибудь прислать вам два* или три моих (печатных) рассказа и прочтете ли вы их когда-нибудь от нечего делать, чтобы сообщить мне несколько ваших заключений. Простите меня за назойливость, глубокоуважаемый Антон Павлович, и будьте снисходительны к просьбе

искренно уважающего вас
Ив. Бунина

Адрес: «Елец, Орловской губ. Ивану Алексеевичу Бунину».

P. S. Стихи я печатал в «Неделе», «Северном вестнике» и еще кое-где, а рассказы в местной газете, в «Орловском вестнике».

Первые произведения Бунина появились в 1887 г.: стихотворение «Над могилой С. Я. Надсона» (журнал «Родина», 1887, № 8, от 22 февраля) и «Деревенский нищий» (там же, № 20, от 17 мая).

Ко времени написания этого письма, помимо стихотворений в «Неделе», «Наблюдателе», «Северном вестнике», Бунин напечатал несколько рассказов, статей о писателях, театральных рецензий и много передовых статей в газете «Орловский вестник», где он некоторое время сотрудничал.

На письмо это Чехов ответил Бунину 30 января 1891 г.: «Простите, что я так долго не отвечал на ваше письмо. Я был в Петербурге и только сегодня вернулся в Москву.

Очень рад служить вам, хотя, предупреждаю, я плохой критик и всегда ошибался, особенно когда мне приходилось быть судьею начинающих авторов. Присылайте мне ваши рассказы, но только не те, которые уже были напечатаны» (XV, 157—158).

Предложение Чехова посылать ему только новые рассказы в рукописи, очевидно, и является причиной того, что печатных произведений своих Бунин так и не послал Чехову.

2

<Москва.> 11 декабря 1895

Ив. Ал. Бунин и Конст. Дм. Бальмонт очень хотели видеть вас.

Если ваше желание совпадает с нашим, не будете ли вы добры написать (Тверская, «Лувр», 25, К. Д. Бальмонту), когда можно вас видеть.

Искренно преданные вам
К. Бальмонт
Ив. Бунин

Записка, оставленная Чехову в Большой Московской гостинице, где он остановился по приезде из Мелихова.

О первой встрече с Чеховым Бунин рассказал в своих воспоминаниях о Чехове (см. «Чехов в воспоминаниях современников», изд. 1954 и 1960). Произошла она 12 декабря 1895 г. (см. В. Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина. 1870—1906. Париж, 1958, стр. 95). 14 декабря датирована надпись на подаренном Чехову оттиске очерка «На хуторе»: «Антону Павловичу Чехову в знак глубокого уважения и искреннего сердечного расположения. Ив. Бунин. Москва. 14 дек. 95 г.» (хранится в Таганрогском музее А. П. Чехова).

3

Ялта. 13 января 1901

Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Вчера узнал, что вы 17-го именинник, и посылаю вам поздравление. Дай вам бог всего самого наилучшего,— это мое постоянное желание относительно вас. Собирался вам написать и помимо этого случая, чтобы поблагодарить и вас за гостеприимство. После Москвы я был в деревне у себя, нашел там северный полюс, занесенный снегом, и метели, сквозь которые тускло видно желтоватое металлическое солнце в широком, морозном кругу, заскучал, задохнулся без воздуху в натопленном доме (гулять совсем нельзя — обжигает лицо) и опять уехал в Москву, тем более, что встретились кое-какие дела. А потом, опять получивши от Марьи Павловны приглашение, с величайшим удовольствием уехал в Ялту. Здесь очень тихо, погода нежная, и я чудесно отдохнул за эти дни в вашем доме [1]. Не нарадуюсь на синий залив в конце вашей долины. Утром моя комната полна солнца. А у вас в кабинете, куда я иногда заходил погулять по ковру,— еще лучше: весело, просторно, окно велико и красиво, и на стене и на полу — зеленые, синие и красные отсветы, очень сильные при солнце. Я люблю цветные окна, только в сумерки они кажутся грустными, и в сумерки кабинет пуст и одинок, а вы далеко. Мы с Марией Павловной часто вспоминали вас. Мария Павловна и Евгения Яковлевна очень беспокоились, не получая от вас писем. Вчера Мария Павловна уехала и, так как я решил побыть в Ялте еще, попросила меня не переезжать в Ялту, а побыть пока у вас. И вот я пока у вас еще. Сегодня Евгения Яковлевна получила письмо от вас и очень рада[2]. На дворе у вас идет работа,— турки утрамбовывают его камнем. Слышал от Марии Павловны, что вы работаете [3],— очень желаю настоящего настроения и равновесия. Я тоже кое-что скребу и читаю. А за всем тем живу тихо и благородно. Кланяюсь вам, крепко жму руку

Ив. Бунин

Письмо в Ниццу, где Чехов жил с 14 декабря 1900 г.

[1] Бунин, приехавший в Ялту, остановился у Чеховых (см. стр. 395—396).
[2] Вероятно, письмо от 4 января 1901 г. (XIX, 10—11).
[3] В письме к О. Л. Книппер из Ниццы от 17 декабря 1900 г. Чехов писал: «...в Африку я не поеду теперь, а буду работать» (XVIII, 425).

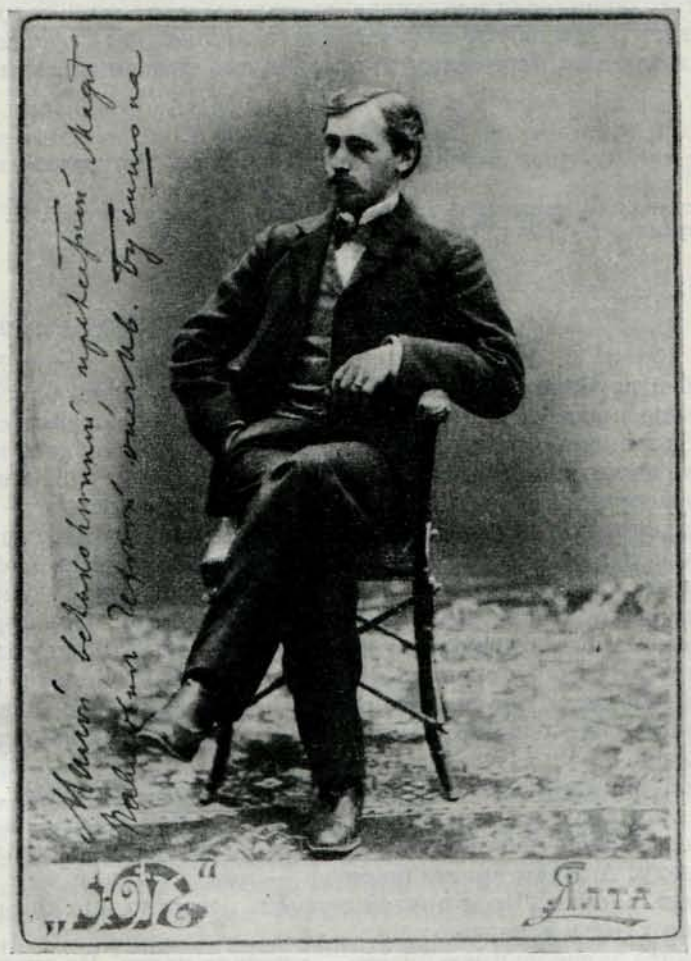
4

Ялта. 30 янв⟨аря⟩ 1901

Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Будьте добры — передайте, пожалуйста, прилагаемую записочку Софье Павловне Бонье[1]. Я не знаю ее адреса. Так как знаю от Евгении Яковлевны, что вы живы, здоровы, работаете и в тепле, то не спрашиваю вас, как вы живете, а только желаю вам и впредь всего лучшего. Но на днях я уезжаю в Одессу и буду очень рад получить от вас хоть несколько слов:

Софиевская, 5. Не сочтите за бесцеремонность мое пребывание у вас до сих пор,— я хотел переехать в город, но Евгения Яковлевна обижается. Несколько дней была бурная зима,— совсем как у нас в темные мартовские дни, когда «сын за отцом приходит», т. е. валит мокрый снег. Теперь уже стаяло — солнечный прохладный день. Но горы, точно в Швейцарии.



И. А. БУНИН

Фотография с дарственной надписью: «Милой, великолепной, прелестной Марье Павловне Чеховой от Ив. Букишона»

Дом-музей Чехова. Москва

У вас здесь все благополучно. Евгения Яковлевна жива, здорова и радуется вашим письмам. Все кажется ей, что вдруг вы приедете с пароходом. Даже несколько раз оставляла вам супу.

Крепко жму вашу руку, от всей души — дай вам бог всего лучшего.

И. Бунин

[1] О Софье Павловне *Бонье* — см. выше в прим. 2 к письму Чехова к Е. Я. Политковской от 12 января 1902 г. 22 января С. П. Бонье уехала из Ялты в Ниццу, где должна была встретиться с Чеховым.

5

<Одесса. 11 марта 1901 г.>

Глубокоуважаемый Антон Павлович, посылаю вам низкий поклон и самые лучшие пожелания, равно как и Евгении Яковлевне. Будьте добры написать мне два слова: где С. П. Бонье? Мне нужен ее адрес[1]. Чрезвычайно буду благодарен, если исполните мою просьбу, а кроме того, сообщите, как поживаете? Я пробуду в *Одессе* еще с полмесяца: Софиевская, 5. Покорно благодарю за пересылку писем. Горячо преданный вам

Ив. Бунин

Письмо в Ялту, куда Чехов вернулся 15 февраля. Датировано по почтовому штемпелю.

[1] В письме от 14 марта 1901 г. Чехов сообщил Бунину адрес С. П. Бонье, жившей в это время в Курске (XIX, 61).

6

<Одесса.> 20 марта 1901
Софиевская, 5

Дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович, очень благодарен вам за исполнение просьбы и очень рад вашему хотению жениться [1]. А что касается «Скорпиона», то, ей богу, я никак не ожидал от него неряшливости, — иначе не позволил бы себе приглашать вас. Серьезно, я вчера испытал весьма неприятные минуты. Но все-таки я убежден, что это вышло как-то нечаянно. Ведь они были страшно рады вашему рассказу, вообще же относятся к вам с необыкновенным уважением. Этим и объясняется то, что они поставили вас на первом месте в объявлении и уж, конечно, не желанием рекламировать «Северные цветы»,—в этом могу поручиться [2].

Затем передаю вам то, что меня просили передать вам: не разрешите ли вы скульптору Эдвардсу слепить ваш бюст? [3] Если позволите, он приедет в Ялту и поработает. Говорит, что с год тому назад вы разрешали ему это через Ярцева [4]. Что скажете вы теперь? Будьте добры написать мне об этом два слова.

От милой Марии Павловны получил письмо — сообщает, что 23-го выезжает в Ялту и зовет меня в Крым. Все это — и переезды по морю и свидание с ней и с вами — очень заманчиво, так что, может быть, я приеду. А затем вместе на север,— может быть, и вы с нами? Это было бы очень хорошо. Но, с другой стороны, совестно мне лодырничать, и я подумываю удрать в деревню.

От Горького давно не имею писем — с начала марта. Не знаете ли чего-нибудь? Ходят всякие слухи и т. д.[5]

В Одессе наступила весна. Ночи пошли «ддивные»—как говорит Федоров. Бедный автор «Бурелома» немного захворал на днях. Куприн, который просит меня низко поклониться вам, бьет баклуши и ничего с ним не поделаешь. А какой редко милый, умный и талантливый человек![6]

Кланяюсь вам с искренней любовью и уважением к вам, кланяюсь Евгении Яковлевне, бабушке и Арсению, а кроме того, и ялтинским знакомым.

Уж будьте добры написать два слова о Эдвардсе.

Преданный вам Ив. Бунин

[1] Ответ на письмо Чехова, в котором он сообщал адрес С. П. Бонье, а о себе писал: «Поживаю я недурно, так себе, чувствую старость. Впрочем, хочу жениться» (XIX, 61).

[2] По просьбе Бунина Чехов дал в альманах издательства «Скорпион» свой рассказ «Ночью» (переделанный из старого рассказа «В море»). 8 марта 1901 г. в газете «Русские ведомости», № 66, было напечатано крикливое объявление о выходе альма-

наха (см. ниже прим. 1 к письму 8). В письме от 14 марта 1901 г. Чехов писал Бунину: «От „Скорпиона“ получил корректуру, но в крайне неряшливом виде, с одной копеечной маркой, так что пришлось штраф платить; публикует „Скорпион“ о своей книге тоже неряшливо, выставляя меня первым — и я, прочитав это объявление в „Русских ведомостях“, дал себе клятву больше уж никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами» (XIX, 61).

[3] Борис Васильевич *Эдвардс* (р. 1861). В письме от 25 марта 1901 г. Чехов просил Бунина передать Эдвардсу: «не найдет ли он удобным отложить сеанс до сентября», когда он будет дома, в Ялте. Насколько известно, Эдвардс не осуществил свой замысел.

[4] Григорий Федорович *Ярцев* (1858—1918) — художник, ялтинский знакомый Чехова.

[5] Слухи об аресте М. Горького.

[6] Незадолго до этого Чехов, бывший в Одессе 12—14 февраля 1901 г., познакомился с А. М. Федоровым и А. И. Куприным.

7

(ТЕЛЕГРАММА)

⟨Одесса. 28 марта 1901 г.⟩

От души благодарю. На днях буду. Бунин

Бунин приехал в Ялту в начале апреля 1901 г.

8

Почт. ст. Лукьяново, Тульской губ.
Ефремовск. уезда. 30 апреля 1901

Дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович! Убедительно прошу вас — не сердитесь на меня. Только сейчас получил ваше письмо и тотчас отвечаю вам, потому что чувствую себя неприятно. Альманах вышел дурацкий, но мог ли я предполагать, что «Скорпионы» поступят так по-мальчишески, составят его чуть не из пародий и будут даже объявления составлять нелепо [1]. Ведь издавали они пока все чудесные вещи. Альманах хотели сделать на редкость... Наговорили мне с три короба... Я, ей-богу, ничего подобного не ожидал! Я напишу им, чтобы они хоть ваше имя оставили в покое. Пожалуйста, не сердитесь.

Я уже, как видите, в деревне. Холод у нас собачий. Теперь льет дождь—тоже холодный. Однако сад зеленеет, и поет соловей... От жены Горького получил письмо — Горький сидит. Но вы, вероятно, уже знаете это... А больше у меня и новостей нет. Живу, совершенно как в скиту, и на душе очень чисто, и радуюсь, что много пишу стихов. Дай бог, не сглазить. Убедительно прошу — хотя изредка пишите мне. От всей души желаю вам всего хорошего,— так, как мог бы себе пожелать. Поклонитесь вашим.

Преданный вам Ив. Бунин

P. S. Посылаю вам книгу стихов на соискание пушкинской премии. Потрудитесь, дорогой Антон Павлович, послать, куда следует — я решительно не знаю [2]. «Песнь о Гайавате» вам будет тоже на днях доставлена. Не сочтите все это за нахальство и простите за беспокойство. Если вам неприятно это — оставьте втуне.

[1] В письме к Бунину от 20 апреля 1901 г., в которое была вложена газетная вырезка с объявлением альманаха «Северные цветы»:

Новый рассказ
А. П. Чехова

СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ

Альманах к-ва «Скорпион». Ц. 1 р. 50 к.,

Чехов писал: «Во-первых, я никогда не писал рассказа „Северные цветы", а во-вторых, зачем вы ввели меня в эту компанию, милый Иван Алексеевич? Зачем?

Зачем?» (XIX, 74).

[2] Бунин прислал Чехову свою книгу «Листопад. Стихотворения». М., изд. «Скорпион», 1901. В день получения книги, 6 мая 1901 г., Чехов писал А. Ф. Кони: «Сегодня я получил от поэта И. А. Бунина книгу стихов с просьбою послать ее на пушкинскую премию. Будьте добры, научите меня, как это сделать, по какому адресу послать. Сам я когда-то получил премию, но книжек своих не посылал» (XIX, 83).

За книгу «Листопад» и стихотворный перевод поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате» Бунину была присуждена половина пушкинской премии в октябре 1903 г. Рецензия на эти книги была дана поэтом А. А. Голенищевым-Кутузовым (1848—1913). См. «Пятнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1903 года. Отчет и рецензии I—IX». СПб., 1904, стр. 7—9 и 59—62.

9

Лукьяново. <Июнь 1901 г.>*

Дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович, шлю поклон и самые лучшие пожелания вам и Ольге Леонардовне. Как поживаете? Напишите как-нибудь хоть немножко. Я тихо — в деревне и за работой. В начале августа собираюсь в Одессу — отдохнуть и покупаться.

Адрес мой прежний: Почт. ст. Лукьяново Тульской губ.

Крепко-крепко жму вашу руку

Ив. Бунин

Письмо в Аксеново Уфимской губ., где Чехов был в санатории вместе с О. Л. Книппер.

10

Под Одессой, дача Гернет. 12 августа 1901

Дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович! Как поживаете? Посылаю вам и супруге вашей, равно как и матушке вашей и Марии Павловне, нижайший поклон. Я под Одессой, на даче, купаюсь и ничего не делаю. Но в деревне у себя много трудился, и поэтому решил немного погулять, надеясь закончить прогулку Ялтой. С искренним удовольствием думаю о встрече с вами и со всеми вашими. Марье Павловне писал,— она ни звука. Где она? Передайте ей, что очень жалею, что не увижу ее в Ялте: ведь она теперь уже на отлете? А я думаю быть в начале сентября. Когда вы в Москву и когда Ольга Леонардовна? У меня новостей, интересных для вас, кажется, нет. Вот разве только про Федорова — возвратился из Швейцарии очень бедный, но полный надежд, дописывает новую драму [1]. Правда ли, что вы снова дадите что-то для Художественного театра? Впрочем, вы, вероятно, не напишете мне об этом. Поэтому напишите хоть пару слов, как поживаете. Искренно, по-прежнему люблю вас и остаюсь

вашим Ив. Буниным

Можно ли Нилусу приехать рисовать вас? Если можно, то когда удобнее? [2]

Адрес: *Одесса*, Большой Фонтан, 13-я станция трамвая, дача Гернета, для меня.

[1] Эту пьесу (озаглавленную потом «Обыкновенная женщина») Федоров послал Чехову 25 октября 1901 г.: «Посылаю вам, Антон Павлович, пьесу, только что переписанную. Судите по всей строгости законов. Каждое ваше слово драгоценно для меня. Каждый ваш совет приму, как заповедь... Не посоветуете ли как назвать ее? Будьте крестным отцом ей».

[2] На это письмо Чехов ответил 17 августа 1901 г.:

«1) Маша уезжает в Москву 1 сентября, а Ольга Леонардовна — 20 августа.

* Рукою Чехова проставлено: Июнь 1901.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ДОМ С МЕЗОНИНОМ»
Акварель Д. А. Дубинского, 1954 г.
Третьяковская галерея, Москва

2) Для Художественного театра я не написал ничего, не садился писать и не скоро сяду, должно быть, не раньше как года через два.

3) Я теперь пишу, занят целые дни и т. д. и т. д.,— а посему не найдет ли возможным художник Нилус отложить писание портрета до будущего года?» (XIX, 117). О работе Нилуса над портретом Чехова — см. выше, стр. 399—400.

11

(ТЕЛЕГРАММА)

⟨Одесса. 31 августа 1901 г.⟩

Приеду вторник. Будьте добры передать Бонье. Бунин

Бунин приехал в Ялту 4 сентября 1901 г.

12

⟨Москва.⟩ 11 ноября 1901

Дорогой Антон Павлович, низко кланяюсь вам за хлопоты и прошу извинения, что отвечаю вам так поздно. Хотя я и не гуляю больше на юбилеях, но дни идут по-прежнему ужасно быстро, и многого не успеваешь сделать [1]. Хотелось бы повеселить вас новостями, но ведь все общеинтересное вы, конечно, знаете? О Горьком, значит, тоже, за исключением разве того, что, проводив его, мы с Шаляпиным пили до 6 часов утра [2]. Новая квартира ваша в Звонарском переулке очень хороша [3], я был в ней уже два раза (один раз с Куприным), и мы занимались тем, что зажигали и тушили электричество: это очень занимает вашу супругу и сестрицу. Обе они в добром здоровье и уже воспользовались близостью бань. В четверг, 15-го, я уезжаю в деревню на месяц (адрес мой, впрочем, остается тем же — «Вестник воспитания»[4]), а в конце декабря приеду в Крым. Издаю новый том своих стихов[5], написал два маленьких рассказа [6]. Желаю вам всего лучшего и прошу вас передать мой поклон вашей матушке и всем, кто меня помнит.

Преданный вам Ив. Бунин

[1] Ответ на письмо Чехова от 30 октября 1901 г., в котором он писал: «...деньги ваши вытребованы обратно одесским банком, и их в ялтинском банке уже нет. Посылаю вам обратно и телеграмму и марки.

Как вы поживаете, господин Букишон? Что пописываете, на чьих юбилеях гуляете?» (XIX, 154).

[2] В сентябре 1901 г. Министерство внутренних дел постановило «водворить Пешкова под гласный надзор полиции в Нижегородской губернии, вне Н.-Новгорода». Местом ссылки был определен г. Арзамас. Получив это постановление, Горький подал прошение о разрешении ему до весны жить в Крыму. Ему было дано разрешение «жить в Крыму, кроме Ялты, до апреля». 7 ноября Горький выехал из Нижнего-Новгорода. По пути в Крым Горький должен был пробыть в Москве с утреннего поезда до вечернего, но полиция, напуганная нижегородскими проводами, пропустив семью Горького в Москву,его задержала на товарной станции и пересадила в вагон, в котором он был переправлен с Нижегородской дороги на Курскую. В ожидании поезда на Крым Горький был высажен в Подольске. Скоро об этом стало известно в Москве, и к Горькому в Подольск выехали Телешов, Бунин, Пятницкий, вскоре приехал туда и Шаляпин.

Об этом Горький подробно написал в письме к В. А. Поссе, после 14 ноября 1901 г. (см. Соч., т. 28, стр. 196—197, а также «Записки писателя» Н. Д. Телешова.—Избранные сочинения, т. III. М., 1956, стр. 103—107, и статью В. И. Ленина «Начало демонстраций».—Сочинения, т. 5, стр. 295—296).

[3] Новая квартира была снята в доме Гонецкой на Неглинном проезде, угол Звонарского пер., рядом с Сандуновскими банями.

[4] Это был адрес (Арбат, Староконюшенный, 32) брата И. А. Бунина, Юлия Алексеевича, фактического редактора журнала «Вестник воспитания».

[5] Книга «Новые стихотворения» (М., 1902) была затем подарена Чехову, с надписью: «Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову искренно его любящий Ив. Бунин».

13

Одесса. 11 января 1902 г.
Софиевская, 5

Дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович!

Как поживаете? Не писал вам и Марии Павловне потому, что все собирался из Москвы прямо в Крым, но пришлось по делам снова ехать в Петербург, а затем ехать сюда. Теперь сижу прикованный к месту корректурой — выпускаю томик новых стихотворений [1], книжку рассказов [2] и 2-е изд. «Гайаваты»[3]. Издает «Знание». Здесь после Москвы очень приятно — точно начало апреля в России. Приедет ко мне в конце января или в феврале Андреев с молодой женой [4], и тогда мы вместе отправимся в Крым. Напишите мне о себе — буду очень рад. Поклон вашей матушке.

Сердечно любящий вас Ив. Бунин

P. S. По городу всюду развешаны большие афиши, извещающие, что в «Южном обозрении» пишут отныне Горький и Чехов. Что это значит?! [5]

[1] См. прим. 5 к письму 12.
[2] И. А. Бунин. Рассказы, т. I. СПб., изд. «Знание», 1902.
[3] Перевод поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате». СПб., изд. «Знание», 1903.
[4] Л. Н. Андреев с женой приехали в Ялту и были у Чехова 18 марта 1902 г. Бунин приехал позднее. См. прим. к письму 14.
[5] В одесской газете «Южное обозрение», 1902, № 1701, от 8 января, в отделе «Одесской хроники», напечатано сообщение: «Антон Павлович Чехов изъявил свое согласие принимать участие в „Южном обозрении“ и обещал в непродолжительном времени прислать свой рассказ». С этого же номера, ежедневно, по 22 января, печатались объявления, в которых крупным шрифтом извещалось, что в 1902 г. в газете принимают участие Горький, Короленко и Чехов.
15 января 1902 г. Чехов ответил Бунину: «На приглашение „Южного обозрения“ я ответил, что ничего не имею против, но в настоящее время, ничего не пишу, прошу извинить, а когда напишу, то пришлю. Я всем отвечаю так» (XIX, 222).
Произведения Чехова в это время и позднее в «Южном обозрении» не появлялись. (Чехов печатался в этой газете в 1898—1900 гг.).

14

(ТЕЛЕГРАММА)

⟨Одесса. 29 марта 1902 г.⟩

Будем вторник. Бунин. Нилус

Бунин и Нилус приехали в Ялту 31 марта.

15

⟨Одесса. До 29 марта 1902 г.⟩

Дорогой Антон Павлович! Рекомендую вам подателя сего как человека вполне порядочного [1]. Я его не знаю, но это близкий человек С. И. Лысенко (бывший секретарь Черниговской земской управы), которому я безусловно доверяю и который просит меня об этой рекомендации. Желаю вам всего лучшего, кланяюсь вашей матушке.

Ваш душой Ив. Бунин

На визитной карточке Бунина.

[1] О ком идет здесь речь — не выяснено. На карточке написано рукою Чехова: «1902, III. Милютинская ул., д. Окунева, против д. Бонье. Николай Хрисанфович Фосс».

16

<Константинополь.> 12 апреля 1903

Низко кланяюсь вам, дорогой Антон Павлович, из Константинополя. Поездкой пока очень доволен, хотя качало немилосердно!

Ваш Ив. Бунин

17

<Ницца.> 4 января 1904

Дорогой Антон Павлович, поселились в Ницце [1]. Погода переменчивая. Вчера — чисто июньский день, сегодня — сыровато, пасмурно, точно у нас в середине августа.

Познакомились с Вальтером [2]. Милый человек. Были в Больё, — там негде гулять.

Доро́гой или здесь — простудился. Чувствую себя неважно. Напишите пожалуйста, как вы? Правда ли, что собираетесь в Ниццу? Когда «Вишневый сад»? [3] Не отложили до будущего года?

Юрасова еще не видали, он хворает [4].

Кланяюсь всем вашим и пребываю горячо любящим вас

Ив. Буниным

P. S. Найденов, конечно, тоже шлет поклон.

Адрес наш — Poste-restante. Все меняем отели. Жили, между прочим, в отеле «Виктория», где теперь Боборыкин.

[1] Бунин приехал в Ниццу вместе с драматургом С. А. Найденовым.

[2] В. Г. *Вальтер* — врач-бактериолог, живший в Ницце. Писал рассказы (под псевдонимами: Вл. Томатов и Вл. Вольный), которые при содействии Чехова изредка печатались в русских газетах.

[3] Премьера «Вишневого сада» состоялась в Художественном театре 17 января.

[4] О Н. И. *Юрасове* — см. выше, прим. 6 к письму Чехова М. М. Ковалевскому от 20 января 1898 г.